

Александр Бодяко: «Мы научились жить в условиях неопределенности»

Одним из тех, кто присутствовал на вызвавшем большой общественный резонанс «Большом разговоре с Президентом», был создатель уникального в Беларуси предприятия, ученый и производственник, чьи заслуги отмечены званием «Человек года», лауреат Государственной премии в области науки и техники, человек, награжденный одной из самых высоких государственных наград, — медалью Франциска Скорины — Александр Михайлович Бодяко.

О том, что сейчас происходит в экономике и науке, о способах выживания предприятия, о возможных и желательных переменах — наш непростой разговор с неравнодушным к тому, что происходит вокруг и имеющим свое видение решения многих проблем, — директором УЧНПП «Технолит».

Директор УЧНПП «Технолит» Александр Бодяко, директор ОАО «Моготекс» Виктор Матиевич и редактор газеты «Вестник Могилёва» Василий Новичонок

— Вы уже не первый раз присутствуете на масштабных общественно-политических мероприятиях. Что вынесли конкретно для себя из этой встречи?

— Знаете, на этот раз я даже конспектировал. Потому что проходит время, и ты начинаешь интерпретировать, да и острота теряется. Вынес два умозаключения. Первое — у человека очень болит душа. За страну, за состояние дел в стране. Поэтому без диалога — никуда. Тем более, что он уже много раз говорил о том, что хочет услышать непреломленную информацию, без причесывания. Второе, что меня поразило, — уровень профессионализма журналистов. Основная масса вопросов была совсем не президентского уровня. И совсем не для большого разговора, как это было обозначено. Пути решения основных проблем были, на мой взгляд, как-то смазаны массой мелочных, ничтожных вопросов. Естественно, что в любом обществе — много недовольных, такого не бывает, чтобы довольны были все. Но превалировали именно

мелко-социально-бытовые темы. Не было вопросов, ответы на которые проясняли бы наше будущее.

— В таком случае, как должны звучать основные вопросы, которые тревожат сегодня практически всех людей?

— Как жить дальше? Как будет развиваться промышленность? Что будет с экономикой? Ведь даже мы сегодня со стоимостью электричества подошли к ступору. Имея самую прогрессивную литейку в мире, наша продукция теряет конкурентоспособность. Потому что электричество на «Технолите» — до 19 центов. На МАЗе — 11,8... А на родственном заводе с такими же технологиями в Польше — 8,5. В Украине и России — 5-6, в зависимости от того, насколько далеко предприятие находится от атомной или гидроэлектростанции. На КаМАЗе — 2 цента, но там понятно, почему. Перед тем, как его строить, поставили гидроэлектростанцию, чтобы обеспечить предприятие электроэнергией. Вот это был грамотный, продуманный подход: вначале обеспечить самой дешевой энергией и только потом поставить вокруг энергопотребителей.

Мы сегодня подошли к тому, что уже не можем по этим ценам работать. Я перевел литейку на работу в одну смену. В часы пик 1 кВт так называемой активной мощности стоит более 12 долларов. И если даже ты потреблял ее всего полчаса в течение месяца, все равно платишь эту сумму! А сколько будет стоить электроэнергия, когда запустят атомную станцию?! Теперь думаю над альтернативой: газовую станцию поставить или ветрогенераторы. Чтобы не платить такие дурные деньги, потому что это просто разорение. Мы посчитали, что у нас ветрогенераторы окупятся за 7-8 месяцев. Конечно, придется пройти все круги ада, потому что электросети так просто из своих цепких лап нас не выпустят. Но я к этому готов.

— На протяжении всего разговора так или иначе звучали вопросы социальной справедливости...

— Кто успешен, кто хорошо работает, должен и жить лучше. Справедливость нельзя рассматривать, как причесывание всех под одну гребенку. Конечно, шла речь о том, что надо сокращать количество проверяющих государственных служащих. Но пока же никто никого не сокращает. В результате ты можешь оказаться под общей раздачей и неизвестно, чем это закончится. Найти нарушения в нашей работе, при большом объеме существующих законодательных актов, очень легко. Вот, к примеру, нас, успешное по всем показателям предприятие, записали в план проверок по охране труда на апрель. Что проверять на «Технолите» по охране труда?!

— Ну, а раз придут проверять, обязательно будет штраф...

— Любая проверка заканчивается тем, что, «если мы у вас ничего не найдем, значит, скажут, что мы плохо работаем, поэтому все равно надо что-то найти».

— Что еще мешает сегодня работать?

— Огромное количество непродуманных, ненужных нормативных актов. 22 июля мы встречали Президента. Тот же департамент по охране труда заставил меня подписать акты, по которым, на момент посещения Главой государства, запретили эксплуатацию оборудования, которое мы модернизировали до уровня современных станков с ЧПУ, то есть, сделали их лучше. Знаете, почему? По нормативам, любые изменения мы должны согласовать с заводом-изготовителем. Но этого завода не существует! Ну разве это не абсурд?! Причем это не та модернизация, когда выбрасывают старое оборудование, а на его место ставят новое. Это не модернизация, а техперевооружение. А мы взяли станок и придали ему современные свойства. Вот это и есть модернизация.

Я когда-то заинтересовался у своего коллеги из Южной Кореи, что ему нужно, чтобы запустить станок в работу. Он долго не понимал, что я от него хочу. А когда понял, то сказал, что всего лишь нажать кнопку. У них даже мысли нет, что с кем-то что-то надо согласовывать.

Еще постоянно говорят о том, что нужно усилить спрос с руководителей. Не надо уже с руководителей усиливать спрос! В конечном итоге и так за все сегодня отвечает руководитель. И за неуспех, в первую очередь.

— Сегодня много говорится о России, которая для вашего предприятия очень значима. Как вы рассматриваете дальнейшее сотрудничество в аспекте, мягко говоря, прохладных отношений между двумя странами?

— С большой настороженностью. Потому что в последние недели на «Технолит», который для многих российских предприятий, в том числе и оборонного толка, стал единственным поставщиком комплектующих, поступает информация о том, что готовятся какие-то негласные указания о сворачивании отношений. Поэтому меня, как и многих других, для кого сегодня Россия — существенный рынок сбыта, это очень беспокоит. Было бы чудовищной ошибкой, если бы мы российский рынок кому-то стали уступать. За него надо бороться и держаться. Нас в той же Германии никто не ждет — там хватает своих высокотехнологичных изделий. А быть очередным сырьевым придатком мне не хочется.

— Вы рассматриваете альтернативные варианты рынков сбыта?

— Конечно. И это связано не только и не столько с возможными угрозами с российской стороны. Мы, как и любой производитель в любой стране мира, стремимся на европейский рынок. Он самый стабильный из всех рынков и для нас самый близкий. Это не Америка и не Корея, куда товар должен плыть через океан, что связано с немалыми затратами. Там, конечно, интересно, но, как посмотришь на логистику, — интерес сразу уменьшается. Поэтому, конечно, нас очень привлекает западный рынок. Более того, в ушедшем году мы для себя его открыли. У нас 10 с небольшим процентов оборота за прошлый год ушло на западный рынок, с расчетами в твердой валюте. И есть перспективы. Наши изделия становятся все более узнаваемыми и более востребованными. Есть первые поставки за океан. Пока, правда, малыми партиями, но все равно для нас это важно.

— Ваше предприятие включено в инвестиционную программу Республики Беларусь...

— Я не просил о моем туда включении и даже не знал, что меня туда включили. А включили, видимо, потому, что мы непрерывно занимаемся инвестированием в развитие своего производства. Да, у нас есть инвестиционный договор с Республикой Беларусь и мне приятно, что в законодательстве появился такой акт, который позволяет инвестору быть инвестором и для своего субъекта хозяйствования. Более того, лучших инвесторов, чем инвесторы страны инвестирования, не существует. Потому что любая инвестиция в конечном итоге — это извлечение дохода. К примеру, на твою территорию приезжает западный инвестор, извлекает и увозит доход, вырезав при этом в окрестностях лес, переработав его или распродав куда-то изделия, да еще имея при этом преференции. Мы, к сожалению, таких привилегий не имеем. Но я рад, что нам, при наличии инвестдоговора, наряду с проектированием разрешено и строительство. Все же меньше беготни и этих бесконечных согласований. Хотя какое может быть согласование, если ты на своей территории построил одноэтажное здание из легковозводимых энергоэффективных сэндвич-панелей?!

Это маленький шаг. Мне бы хотелось, чтобы эти шаги были решительнее. Во всем мире приняты преференциальные поправки для своих производителей. У нас

тоже есть закон, но он практически не действует. Мы, работая на внутреннем рынке, нигде не смогли воспользоваться этой поправкой о преференциальных надбавках в 15%. На бумаге все есть — на практике нет. А ведь это один из путей поднятия эффективности нашей экономики, потому что поставит барьер вывозу капитала из страны. А барьер поставить нужно — и административный, и финансовый...

— Ожидается ли реформирование совета по предпринимательству при Президенте? Будете принимать участие в его работе? Как вообще относитесь к реформированию?

— Я когда-то несколько лет возглавлял такой совет при председателе горисполкома. И вынес тогда из этого ощущение выпуска пара. На местах мы ничего сделать не можем. Тот совет, который сегодня есть, это совет по решению частных вопросов частных лиц, которые туда входят. И Глава государства об этом открыто сказал. Поэтому я туда никогда и не входил, хотя меня неоднократно приглашали. Эта структура не определяет ни развития предпринимательства, ни, тем более, развития экономики нашей страны. Сегодня предпринимательство в мелком масштабе сделать ничего не может, в крупном масштабе — то ли сами себя очернили, то ли сложились такие неблагоприятные условия. Доверие к нашему бизнесу после многих громких дел существенно пошатнулось. И мы все сегодня несем на себе этот отпечаток. Но, что самое удивительное, — плохо никто не хочет сделать — плохо делается само собой.

— Идет Год науки. Что сегодня ждет общество от ученых? Какое веское слово они могут сказать?

— Общество от ученых ждет того, что ученые уже сделать не могут. К великому сожалению, наука оказалась беспомощной и уже давно оторвалась от жизни. Такое количество исследований, которыми занималась советская и постсоветская наука, реально никому не было нужно. Я никого не хочу обидеть, но если доктор технических наук остается без работы, возникает вопрос, кто его ориентировал в то русло, в котором он получил столько знаний, что они были удостоены докторской степени, а в итоге оказались никому не нужны? Проблема в том, что государство все это финансировало зря. Нельзя все финансировать огулом. Посмотрите, как устроен мир. Вся техническая наука находится в крупных фирмах. У LG — своя, у Мерседеса — своя, у Тойоты — своя...

— У «Технолита» — своя...

— Может быть, это не наука — это наше специфичное знание, которое помогает нам успешно конкурировать на рынке. Это объем специфичных знаний. Новых знаний — тех, которых нет у других. Мы их сами наработали. У нас ведь что ни разработка, то ноу-хау. У меня часто спрашивают, почему я это все не патентую. Но, я считаю, как бы это парадоксально ни звучало, что сегодняшняя защищенность интеллектуальной собственности — это бездумное, бесплатное дарение миру своих наработок и знаний. Потому что ее никто не будет защищать. У нас нет таких механизмов. На заводе был случай, когда один из работников вынес чертежи и — по моим личным чертежам с моим личным вкладом — где-то на стороне, в гаражах, начал производить продукцию, аналогичную нашей, но с другим качеством. Но по чертежам — нашу. Когда ее выбросили на рынок, люди стали интересоваться, что это такое. Мы написали заявление, но прокуратура даже не стала разбираться, и дело закрыли.

Так вот, возвращаясь к науке... Она нам сегодня уже ничем не поможет. Потому что оказалась оторванной от реальных дел. И оторванность эта началась давно. В Беларуси финансирование такого количества направлений научных исследований просто бессмысленно. Оно не окупаемо и никогда не окупится. Деньги нужно давать под реальные проекты.

Александра Пронькина. Александр Бодяко: «Мы научились жить в условиях неопределенности»

Мне не по душе и ситуация с инновациями. Появились инновационные фонды, и это прекрасно, что они сейчас есть даже в областях. Но понятие «инновации» сегодня во многом дискредитировано. Не так давно попался в руки каталог инновационных проектов Академии наук Беларуси. В разделе «информационные и телекоммуникационные технологии» под пунктом 3.25 находится проект «Доска информационно-демонстрационная», которая предлагается к использованию в служебных кабинетах и общественных помещениях банков, коммерческих и государственных конторах, учебных учреждениях и других местах, где требуется наглядная информация. Доска представляет собой заключенный в деревянную или пластиковую раму лист упругого полимерного материала, на который с помощью кнопок можно крепить разнообразную информацию. Далее говорится, что инновационный проект прошел апробирование, изготовлено несколько досок и они готовы к внедрению. И это называется инновацией Академии наук!

Почему еще наука сегодня ничего не может? Потому что в ней произошел катастрофический разрыв поколений. У меня на предприятии — 8-10 лет, большего разрыва между специалистами нет. Но в технике еще можно что-то друг у друга перенять... А в науке? Когда дедушка с внуком говорят — что у них есть общего? Сказки. Примерно та же картина сегодня в науке — дедушки и внуки. И они друг другу рассказывают сказки. Реально работающей силы в науке не осталось.

— Бизнес — настоящий драйв и институт независимости. В чем на самом деле сила малого и среднего бизнеса?

— Будем считать, что «Технолит» — это микроотражение макроситуации в стране.

Мы научились жить в условиях неопределенности. У меня на этот год сплошных договоров — не более четверти объема, который мы производим. Все остальное — это риск, интуиция, видение... Почему развалилась «Строммашина»? Потому что у нее не оказалось госзаказа и она не знала, что делать. А у меня его никогда и не было. И в этом моя сила. Я не складываю все яйца в одну корзину. У нас многопрофильное производство, самые различные сферы: сельскохозяйственная, автотракторная, железнодорожного машиностроения, в авиацию внедряемся, в корабли, в танки... И ни с кем нет сплошных договоров. Максимум на четверть — с КаМАЗом, Минским тракторным заводом, Петербургским тракторным заводом... Поэтому и выше живучесть тех экономик, которые базируются на малом и среднем бизнесе.

Есть еще одна причина, по которой буксуют наши крупные предприятия. Вот как на Западе? Наступает возраст и руководителя с почестями оставляют каким-нибудь советником. И тут же за ним идут два-три, с разрывом в 5-6 лет, которые рядом работают. И ни в одной крупной компании такого нет, чтобы с одного завода поставили на другой. Только у себя растят специалистов.

— Как думаете, есть сегодня возможность дать людям заработать 500 долларов?

— Я не экономист и никогда им не был, но я, без хвастовства, разумный хозяйственник с крестьянской закваской и считаю, что все должно делаться по уму. На «Технолите» мы в очередной раз вышли на 500 долларов, а бывало и 1000 долларов. Но, хочу сказать, что чем скорее мы забудем про доллары, тем всем нам будет лучше. Если бы мы зарплату в них получали, тогда другое дело, а так ведь в рублях... И в магазинах рублями рассчитываемся. Поэтому надо считать в рублях. У нас, примерно с сентября, зарплата чуть больше тысячи рублей. Мы на этот рубеж вышли и, надеюсь, мы его удержим. И не потому, что так сказал Глава государства, а чтобы сохранить специалистов. Я говорю о квалифицированных специалистах, а не обо всех подряд. Потому что специалист низкой квалификации, услышав об этом, тоже решит, что он Александра Пронькина. Александр Бодяко: «Мы научились жить в условиях неопределенности»

заслуживает 500 долларов. Но мы сегодня так поступить не можем. Тогда надо и уборщице 500 долларов, и упаковщику... А сколько тогда инженеру дать?! А если так ставится вопрос, если перераспределение идет с урезанием доходов квалифицированных специалистов в пользу неквалифицированных, это всегда приводит к негативу и потере квалифицированных специалистов. У нас большой разрыв между квалифицированными и неквалифицированными специалистами. Разрыв и должен быть большим, тогда есть стимул учиться. Когда работник видит, что кто-то получает в два-три раза больше, а лучше — в пять-шесть раз — это совсем большой стимул.

Мы получили из горисполкома бумагу, в которой нам довели график роста зарплаты. Для меня это унижительно. Я и без графика знаю, что мне надо делать. И ведь понятно, что я заплатил бы и две тысячи долларов, если бы была такая возможность.

— Людей на предприятии меньше не стало?

— Даже в самые критические годы людей не стало меньше. Работали в ноль, но специалистов держали из последних сил. Два года так работали... Но я уже давно понял, что лучшее время начала инвестиций — рассмотреть начало падения. Когда основная масса предприятий еще ничего не поняла. Мы начали копать раньше, и у нас сегодня работы столько, что просто не успеваем ее делать. У нас не хватает площадей. Мы строились в тяжелое время. В прошлом году построили 30-35% площадей к тому, что у нас было раньше. А до начала этого года негде было поставить станок. За прошлый год около 50 человек пополнили штат. Сегодня у нас работают 258 человек. Да, есть небольшая текучесть, но отток сократился. Есть другая опасность — что кадры начнут уезжать в Европу. Но это, конечно, лучше, потому что туда едут на более высокие специальности, чем в Россию. В Европе востребованы инженеры, станочники — люди не самые глупые. Конечно, обидно, что мы остаемся без кадров. Но в той же Польше на этот год обозначили минимальную зарплату в 750 долларов. Поэтому есть над чем думать.

— И ключевая продукция осталась прежней?

— Да. Занимаем ту нишу, которую я рассмотрел, еще будучи молодым инженером. В промышленности нет высокотехнологичного производства для мелкой серии поршневых колец, гильз цилиндров и так далее. Все так и осталось, хотя прошло 20 лет. И никто, кроме нас, эту нишу не занял. Потому что здесь проблем хватает.

— Что нужно сделать, чтобы найти дорогу к светлому будущему? От чего бы вы предостерегли?

— Если говорить самым банальным языком, то надо от слов перейти к делу. Уже многое сказано и сказано правильно. Но пока сверху не поступит жестких указаний, никто на местах ничего не станет делать. Я как работал, так и буду работать. Вот сказали, что льготироваться будут те, кто способен дать результат. А я бы про эти льготы вообще не говорил. Например, нужны сегодня стране гильзы цилиндров на танковые двигатели? Да. Нужны они на экспорте? Тоже нужны. Вот сделали бы так, что, кто производит эти гильзы, пять лет не платит налоги. Хотя бы налог на прибыль. Кому хорошо от того, что сегодня много организаций работает без прибыли? Пока главным источником пополнения бюджета не будет налог на прибыль, экономика не будет развиваться.

Пока не перестанут вывозить деньги из страны, страна не станет богатой. Посмотрите, как построены все торгово-оптовые организации. Это легальный вывоз капитала из страны. То, что люди заработали, принесли в магазин, мягко говоря,

проели... Эти деньги из страны вывезлись. Торговые сети у нас в стране кому принадлежат? Может быть, и белорусам, но где-то там...

И, как бы странно это ни звучало, я бы объявил амнистию капиталу. Тем деньгам, которые не замешаны на крови, на контрабанде, на наркотиках... Много состоятельных людей с деньгами. Кто-то куда-то вывез, кто-то уехал сам. Я бы гарантировал незыблемость. Ведь эти деньги где-то работают — их же никто в чулок не положил! Так пускай бы они работали у нас, и мы не платили бы инвесторам и банкам. Вот тут нужно радикальное решение.

На осеннем экономическом форуме посол Беларуси в Китае, а ранее помощник Президента по экономическим вопросам Кирилл Рудый сказал, что нужны экономисты не молчащие и считающие это лояльностью, а говорящие и считающие это патриотизмом. Так вот, это относится не только к экономистам. А и к журналистам, и к промышленникам, и к учителям, и к министрам. Молчать не нужно!